

КРУГ ЧТЕНИЯ

Продолжаем разговор о роли и призвании библиотекаря

ОТ СЕРДЦА ИДУЩЕЕ СЛОВО

С БОЛЬШИМ ВНИМАНИЕМ и заинтересованностью слежу за материалами «Круга чтения», особенно за рубрикой «Библиотека личная и общественная». Действительно, роль библиотеки в воспитании человека, в укреплении навыков выбора полезной, хорошей книги чрезвычайно велика. Я сужу по собственному опыту, по библиотекам, которыми пользовался сам и создавал их в годы работы в Петергофе, Пушкинском Доме, Эрмитаже, теперь уже много лет в Пушкинском заповеднике.

Библиотека в таких местах вещь не только мемориальная, но и самое современное собрание, сосредоточие литературы. Ведь книги выходят и поступают на полку ежегодно. Мы обязаны их открыть человеку — посетителю этих святых мест нашей отечественной и мировой культуры.

Каждый год в первое воскресенье июня идут сюда жители ближайших и дальних псковских деревень, едут гости со всех концов света на пушкинские именины.

Не минует Пушкинский день, конечно, и средоточия книг, их мирные хранилища — библиотеки. Пушкиногорская районная ли, сельские ли библиотеки округи в неделю, предшествующие празднику, и посещаются охотнее, и сами готовятся к торжествам с усердием. А что в будни? Да и в праздники — давайте приглядимся, прислушаемся. Как сказано и как следует говорить о Пушкине на литературном вечере и на детском утреннике, у «зеленой лампы» клуба книголюбов и на большом народном гулянье?

Из разных жизненных впечатлений, реальных встреч и даже фантазий сложился у меня образ библиотекаря — наставника в чтении, мудро и ненавязчиво помогающего выбрать книгу, напутствующего в этом выборе проникновенным, от сердца идущим словом. Библиотекарь — лекарь, врачующий чтением. Роль, по-моему, великая. И надо настраивать душу тем, кто эту профессию для себя избрал. Выть регистратором мероприятий, «живым счетчиком» числа читателей и книговыдач — а такое приходится наблюдать в последние годы все чаще — куда легче. Но толку? Сумеет ли «счетчик» заечь хоть одно сердце любовью к поэзии? Могут возразить: Пушкина у нас и так все знают и любят с малолетства, что здесь остается библиотекаря? Дать требуемую книгу да показать новинки? Попробую обратиться к музейному делу, там поискать аналогии.

ПЕРЕДО МНОЙ в Михайловском прошли сотни тысяч «паломников» разных возрастов, знаний и стремлений. И все они хотели увидеть то, что окружало поэта. И вот я говорю им: «У этого окна любил сидеть Пушкин». Тут все они начинают смотреть на обыкновенное окошко и вдруг видят, что оно необыкновенное, что никто из них такого окна раньше не видел. Не видел около окна этого зеленого куста, что другого такого куста нет на всем свете, что над кустом небо, какое было при Пушкине, и облако, и отраженный стеклом силуэт пролетающей птицы, подобную которой, может быть, видел и он. Вот такое «окошко» в пушкинскую поэзию должен найти и библиотекарь. И позвать читателя: удивиться, взглянуться в мир поэтических образов.

Бывает, что разграничивают «свою» любовь к Пушкину и, так сказать, профессиональную. Лицо, интимное — и самое глубокое — отношение стесняются проявить «на людях», ограничиваясь в публичных выступлениях все той же биографической «канвой», знакомой со школьных лет. Но направить к Пушкину можно не дидактикой, а только любовью. И здесь важно дать простор для воображения внимающему, возбудить радость свободного постижения пушкинской поэзии, активность творчества.

Прощаясь после экскурсии с «паломниками», я всегда говорю: «А теперь отправляйтесь, куда глаза глядят. Бродите по тропинкам и дорожкам, куда бы они вас ни вели. Доверьтесь своему чувству, вы пришли сюда по велению сердца, а не по обязанности. Крепко держите в руках томик стихов Пушкина, написанных здесь, и читайте их здесь, где они были рождены. Только так и можно узнать великое и таинственное пушкинское Лукоморье, только так вы сможете встретиться с Пушкиным, которого жаждала ваша душа. Я дал вам только отправное, без него вы могли бы здесь растеряться».

Тропинки, дорожки, о которых я веду речь, воссозданы долгими годами труда. Много было перерыто архивов и справочников, много перечитано мемуаров и писем. Мы старались как бы перелить поэтические строки в знаки природы. Человек волею идет по этим тропинкам, сам выбирая путь, но он во власти поэзии. То есть главный его маршрут определен.

По каким тропинкам идти библиотекаря, чтобы вместе с читателем выйти на столбовую дорожку любви к классике? Этапы чтения и его разнообразие, что почитать и в какую минуту — то, что на профессиональном языке называется «руководство чтением», — задача сложнейшая, но и благородная. Ибо выбор книг — путь к построению души. Нужно воспитывать душу, думая о великом, как призывает Блок, и ясно будет, как любить и что во имя любви делать. Я прожил долгую жизнь, видел много людей, которые искали счастья, — как это трудно! И нужно не бояться говорить о трудном. Поэзия и здесь опора. Ведь стихи — не одни лишь сладкозвучные напевы, поэзия может быть и жестокой, и карающей, и трагической.

Но право на такой разговор с читателем следует заслужить, преодолевая инерцию мышления, стандарты. А сила их еще велика. Где индивидуальность, тот дух незримый, что должен отличать одну библиотеку от другой? Нет у знакомых мне библиотек своего лица. Зайдешь ли в сельскую, районную, городскую — те же выставки, под теми же названиями, даже читаты великих, и те одинаковые... Взять нашу Пушкиногорскую библиотеку, ее клуб книголюбов «У Лукоморья». Разве не обзывают такие названия? Конечно, здесь проходят организованные с помощью музея-заповедника Пушкинские чтения, вечера, концерты. Но мало, робко! Не они ко мне приходят, а я к ним; тереблю напоминаю... Странное создалось положение. Только у меня лично (не считая других сотрудников заповедника) — три десятка подшефных школ в разных концах страны, я состою в многолетней переписке с огромным числом почитателей Пушкина. А местные книголюбы за помощью почти не обращаются, до сих пор в библиотеке нет пушкинского сектора, в местной школе — пушкинского кабинета. Будь книголюбы поинициативнее, сколько можно было бы сделать!

По музейным делам приходится часто путешествовать. Среди запечатлевшихся в са-

мом сердце — прошлогодняя поездка в Мурманск. Что за удивительный там книжный народ! Суровый ли климат виной, короткий световой день, но свет, солнышко они находят в книге. Общаясь с ними, я с особой силой и волнением ощутил смысл знаменитой строки из Некролога: «Солнце нашей поэзии закатилось!» Для мурманских книголюбцев пушкинская поэзия — неугасимое солнце. Мы вели о ней разговоры, которые продолжают и сейчас, — уже письменно. В этих письмах ощущается работа души, чувствуется, что эпистолярный жанр стал для моих адресатов формой нравственного самовоспитания.

Ведется в библиотеках поисковая работа, нередко пишут авторам книг, приглашая на выступления. А разве не могла бы возникнуть переписка читателей двух отдаленных в пространстве, в разных географических точках нашей страны расположенных библиотек? Для обмена суждениями о произведениях, что занимают ум и сердце, для кровного человеческого общения? Какая рукописная книга могла бы сложиться в итоге переписки пушкиногорцев и мурманцев — книга о нашей жизни, о поэзии. Но пока получаются письма я один...

Сердце Пушкина, по его словам, «привязано к этим местам навсегда». Так он писал в сентябре 1826 года в Тригорское. Привязаны к этим местам и все мы, его благодарные потомки. Прекрасно выразил это чувство К. Паустовский: «Я извездил почти всю страну, видел много мест, удивительных и сжимающих сердце, но ни одно из них не обладало такой внезапной лирической силой, как Михайловское».

Каждый человек должен открывать для себя Пушкина не единожды. В пушкинской ясности и мудрой простоте — бездонная глубина, неисчерпаемость и многозначность образов. Интересную мысль в связи с этим высказал известный исследователь пушкинского творчества Б. Мейлах: «Меня давно интересует совсем неизученная тема о путях, которыми читатели приходят к Пушкину, о его значении для них в разные периоды жизни, чем они ему обязаны. Как интересные и поучительны были бы биографии читателей, написанные с этой целью! Но таких биографий, к сожалению, нет».

Разве не благодатное поле деятельности для библиотекарей? Кому, как не им, наблюдающим зарождение любви к Пушкину; проявление ее в разных возрастах жизни человеческой — от младенчества до старости, — подвинуть читателей к составлению таких биографий?

Но для этого не худо бы уметь общаться с ними на языке, соответствующем их возрасту. Есть люди — увы, и среди музейных работников тоже, — никаких возрастных градаций не чувствующие. В любой аудитории — дети ли, взрослые — они вынимают блокнот, записную книжку и бубнят себе под нос нечто литературоведческое (хотя материал подготовлен нередко — и тем горше! — обстоятельно и кропотливо). А уж такие тонкости, что и «нежный возраст» имеет свои ступени — классическая толстовская триада «детство, отрочество, юность», — ими в расчет не берутся. Равнодушно суют они грусть и холод. Говорит подобный оратор, по словам Ленина, будто во сне мочалку жует. А ведь дети не аудитория, а благодать! Вспомните себя: у каждого в памяти с детства сохраняется то, что обрadowало много лет назад. И как ярки, свежи эти впечатления — о прочитанной книге, человеческом лице, живом речении. Так как же не воспользоваться такой возможностью — навечно запечатлеться в благодарной детской памяти? Я говорю своим «музейщикам»: «Пришли к детям — отворите им очи и уста, растопырьте им уши, чтобы они верили в вас, как в высшие существа, как в чародеев и магов!» Как этого добиться? Надо быть даже немного актером, если выступаешь в незнакомой аудитории. Не в смысле лицедейства, а в умении собраться, «проявить» свою личность. Каждодневное же общение с ребенком в детской библиотеке требует еще больших душевных усилий, готовности к «повышению оборотов» нашего вечного двигателя — сердца. Плох тот библиотекарь, который не остался навсегда в детской памяти рядом с первой учительницей, первым другом.

ПУБЛИЧНОЕ ВYSTУПЛЕНИЕ — перед любой аудиторией, и взрослой, и детской, — предполагает глубокое знакомство с предметом разговора. Если вы беретесь рассуждать о поэзии, особенно пушкинской, которая у всех на слуху, — надо ее знать. Я много десятилетий живу Пушкиным и счастлив, что и сейчас открываю для себя в его творчестве, в пушкиноведении новое, ранее неведомое.

И еще одно. Выступая, цитируйте обязательно наизусть, а не по книжке, не по записям. Неважно, даже если переставите слово, строку. Главное — «из уст в уста», не расхолаживая слушателей, передать дух поэзии, дать почувствовать ни с чем не сравнимую силу пушкинского слова.

Замечал такое явление на литературных вечерах, посвященных поэту, особенно на юбилейных: стремление представить всего Пушкина, всю его жизнь. Грандиозная задача! И под силу ли скромной сельской или даже районной библиотеке? Дыхания на такой замах обычно не хватает, и получается все та же скороговорка об известных фактах и сведениях. Надо брать пример с великих! Когда Глинка, Чайковский, Рахманинов обращались к Пушкину, они ограничивали себя одним произведением, в поте лица над ним работали. А не замахивались самонадеянно на «все» Пушкина.

Музей-заповедник, конечно, находится в особом положении, это своего рода эпицентр первооткрытий. Сюда стремятся с новыми исследованиями, стихами, картинами ученые, литераторы, художники. Но подобный принцип — углубленное знакомство с одной поэмой или стихотворением, одним годом жизни Пушкина, кругом знакомых в Кишиневе, Одессе, Михайловском — возможен в разговоре о поэте в любой библиотеке. Публикации, иконографические материалы нетрудно отыскать по каждой теме. Попробуйте выбрать несколько из них, «копайте» по ним из года в год. Тогда не будет вечеров-близнецов, похожих, как две капли воды, хотя проводятся они в разных библиотеках. Мы в заповеднике ратуем не за «музейное», а за живое восприятие истории.

Я за то, чтобы в Пушкинских Горах было много Пушкина, пушкинского. Но отнюдь не за монопольное владение дорогим нам именем. Пусть солнце поэзии светит всем, пусть счастье общения с Пушкиным длится вечно!

Семен ГЕЙЧЕННО,
директор музея-заповедника А. С. Пушкина
Герой Социалистического Труда.
Михайловское.